

Поэзия и судьба Марины Цветаевой оказали почти гипнотическое воздействие на русскую женскую лирику второй половины минувшего столетия и первые десятилетия нового века.

Марина Ивановна называла себя «поэтом», отвергая литературно-природное определение «поэтесса». В этом предпочтении есть отголосок феминизма, однако ширина художественного космоса Цветаевой и степень драматизма коллизий, сотрясающих внутренний мир автора, заставляют нас принять такую характеристику. Понимая, впрочем, что автоматическое перенесение подобной авторской рекомендации в творчество часто может приводить к странным противоречиям в интонации стиха. Ведь то, что может позволить себе произнести мать или сестра, возлюбленная или дочь, есть несомненная прерогатива женщины – иные слова в устах поэта, а не поэтессы могут звучать по меньшей мере неадекватно. Тем не менее, феномен Цветаевой позволяет нам почти естественно принимать её как поэта.

Современная женская лирика полна чувственных признаний, положенных на лист бумаги сочинительницей порой без оглядки на реальный мир, место которого в стихотворении отдано переливу эмоций. Зримые приметы окружающей действительности связывают читателя и автора в единое творческое звено, способствуя художественному узнаванию и сопереживанию. Однако здесь они, практически, опущены. Внешним собеседником становится читательница, к которой обращено едва озвученное предложение о женском сговоре: «Ну, ты же понимаешь, подруга...». Течение слов переводится в специальное русло, где литературная взыскательность теряет свои строгие позиции, а главным становится желание поделиться. В нём можно найти и отголоски нелёгкой судьбы, и потерянную любовь, и тоску о любимом... Огромное пространство человеческого мира утесняется женским началом и обретает своё женское место.

У Цветаевой эти внутренние стремления присутствуют только частично. Глубина собственного «Я», способность к тяжким решениям, широта взгляда на происходящее вокруг, тонкая сердечная отзывчивость на несправедливость и чужую боль выводят Марину Ивановну за пределы этого корпоративного круга, который в наши дни всё более замыкается в себе и не испытывает творческой неловкости от наглядной узости собственных задач.

Особенности поэтического стиля Цветаевой, иной раз препятствующие даже у неё внятному воплощению лирического сюжета, стали некоей визитной карточкой многих современных поэтесс, таким образом решивших утвердиться в качестве художников слова. Напротив, другие сочинительницы, как бы наново переживающие трагедию Марины Ивановны, страдающие от поругания социальной средой самой личности

Цветаевой, редко прибегают к имитации стилизованных особенностей её стихотворений. Они естественно сопрягают её творческий космос с реальной жизнью и бытием, и это становится самым главным в их любви к Цветаевой, в желании постичь сокровенные смыслы её лирики, в чисто женском движении утешить и согреть хотя бы память о ней.

Стихи современных авторов молодого и среднего поколения, отмеченные цветаевской интонацией, отличаются наглядно аффектированной речью, избыточным количеством восклицательных знаков и тире, безудержным применением синтаксических переносов — анжамбеманов. Кроме того, само художественное сообщение выглядит так, будто текст проредил кто-то невидимый, оставив ключевые слова и погасив их смысловую взаимную связь.

Как известно, модернистская литературная практика, с одной стороны, напитана авторским эго, настойчивым стремлением к самовыражению любой ценой, а с другой — отличается катастрофическим неумением говорить ясно и касаться вещей наиважнейших для человека и его жизни. Издержки цветаевской языковой «походки» серьёзно обогатили формальный инструментарий литераторов этого выморочного творческого цеха. Личность и её измерение в координатах бессмертия здесь не важны. Перед нами — загнанные в житейский и интеллектуальный тупик физически конечные человеческие существа. И в том — кардинальное отличие опусов модернистских эпигонов Марины Цветаевой от её поэзии, где каждая деталь свидетельствует об экзистенциальной бесконечности души и художественной воле автора. А также — об открытости художника жестокому ветрам, продувающим земные пределы.

Сегодня чтение в ряду занятий обыкновенного человека значительно утратило прежнюю притягательность и уже не вызывает жадный интерес читателя к сюжетам высокого литературного уровня. Одновременно беллетристика средней руки и пошлые истории с бойкой фабулой приобрели статус значительных произведений. В названных весьма драматичных обстоятельствах особую важность приобретает расстановка приоритетов в творческом наследии писателя или поэта.

Вопросы стиля в наши дни оказываются вещами второстепенными, поскольку упражнения в выбранном стилистическом ключе стали теперь обыденностью. Имитация голоса и языковой мимики весомого автора подаётся порой как художественное достижение и получает лавры творческого открытия. Десятилетия назад мы с удовольствием повторяли известную европейскую фразу: «Стиль — это человек». Но сейчас важно понимать, что человек — это не только стиль, но и многое другое, что даёт нам основание говорить о личности, тем более — о личности художника. Подобный дискурс в среде модных современных авторов не пользуется популярностью, более весомыми полагаются приметы ремесла. Тут очевидная подмена позиций, а на самом деле — ещё один шаг к уничтожению искусства и литературы, которые не зря считаются духовным отображением человека.

Читая и вспоминая стихи Цветаевой, мы с трепетом примеряем на себя её судьбу и видим черты автора в каждой строке, в каждом возгласе или умолчании. Единственность произведения неотделима от единственности его создателя. Это правило может серьёзно помочь нашей литературе в горькие времена подделок и имитаций.

Цветаева — трудный ребёнок другой эпохи, однако такой литературный максимализм был бы ей по душе.

